

Циприан Норвид

(1821–1883)

Кто плачет над стихией Циприана?
Понять её неведомо и мне,
и в изнурённом от потуг уме
не нахожу желания нирваны.

Страсть к женщине – безумная гитана,
когда она, танцуя при луне,
вдруг замолкает в жуткой тишине,
услышав зов, летящий из гортани.

Бежать! Куда-нибудь за океан,
отбросить всё и загасить вулкан
в своей душе, мятущейся и нищей!

И, умирая, освятить приют
молчаньем губ, которым не дают
и корки хлеба на чужом огнище.

Леонид Губанов

(1946– 1983)

В тюрьме сидел, не думал о себе.
В психушках плакал с юностью в обнимку.
Стихами жил и в шапке-невидимке
с ним на галеры к Музе сослан бес.

Он рад был жить в заброшенной трубе,
в квадрат на тридцать семь всадил бы финку,

да жалко «Грозного». И недоимку
приходится оплачивать судьбе.

Зол поцелуй холодных губ меча:
видна суровая на нём печать
от КГБ. Но, другари! Коснитесь

душой огня, что грудь его порвал,
шаблонов цепь могуче расковал
и петь заставил лёгкую цевницу.

Марина Цветаева

(1892 – 1941)

1.

Что может быть привычнее, когда,
впиваясь в ночь витийствующим взглядом,
поэт отправится бродить по Праге –
теченье Влтавы рифмою питать?

Сравнить ли с чем – в издёрганных годах
минуту вдохновенную, как радость,
и крепость юга в зёрнах виноградин,
в ревуших строчках рану-благодать?

Осилить духом тяжкие бега
дано в судьбе, а впереди – века!
Пусть плачет август, чёрная страница.

Умножив свет, дарующий добро,
она – своё железное перо
тебе вернула, русская земляца.

2.

Звенят натужно провода
в душе, измотанной дождями
и в кровь исхлѣстанной вестями.
Весь мир – сиротство и нужда.

Как туча грозная – беда
надвинется, гремя костями,
и демон злобными устами
вопьѣтся в душу навсегда.

Одна двурогая луна
ей, слава Господу, верна.
Но кто спаситель твой, Марина?

Он – горный дух, неистов слог, –
тебя пленил и в скорбный срок
втянул под звѣздную лавину.